

КОГДА я сел писать эту статью, перо чуть ли не произвольно вывело слова, вынесенные в заголовок. Так Юрий Герман назвал один из своих романов. Но каждый из нас, давно подружившийся с его книгами, вправе эти же слова отнести к самому автору. Прекрасным, а потому и дорогим читателем был Юрий Герман! Безмерна наша благодарность писателю. Он уводил нас то в дальние дали истории Отечества, когда молодая Россия только становилась на ноги, то знакомил со своими друзьями — североморскими моряками, защищавшими в годы войны нашу страну, то показывал, в чем состоит не только мужество, но и нравственный облик работников правопорядка, то словно бы приоткрывал перед нами таинства врачей, не щадящих собственной жизни, чтобы спасти нашу.

Вот стоят его книги на полке. Романы, повести, пьесы, сценарии, очерки. «Наши знакомые», «Семеро смелых», «Сын народа», «Дело, которому ты служишь», «Россия молодая», «Я отвечаю за все». Уже одни названия составляют символ веры Юрия Германа. Не потому ли в наши дни, когда на книжный прилавок хлынул поток литературы, создатели которой словно бы соревнуются друг с другом в том, чтобы сказать нечто гадостное или показать своей стране что-то вроде экстремистской дули, книги Юрия Германа бережешь с чувством благодарности. Ведь на их страницах живут люди, любившие Россию, видевшие в этой любви смысл своей жизни. Писатель ничего не утаивает, все называет своими именами, но он орудует не указующим перстом, а приглашает нас к собеседованию, старается помочь понять то, к чему сами мы, может быть, не всегда шли бы собственным умом. Антонина Старосельская из «Наших знакомых», хирург Пирогов, смелые парни, осваивавшие Заполярье, Дзержинский, милиционер Лапшин, доктор Левин... Как много дало нам общение с ними! Их имена и дела в нашей памяти светят яркими звездочками. Иди к любой и сам станешь человеком, сам славно послужишь Отечеству. Герман любил таких и сам старался жить среди них. Но мало кто знает, как в еще недавние годы это было трудно, сколько веры и выдержки нужно было иметь, чтобы не выпустить из

рук карандаш, чтобы не отчаяться. Я познакомился с Юрием Павловичем Германом вскоре после того, как было обнародовано печальной памяти постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». Ольга Берггольц пригласила меня к себе на улицу Рубинштейна. Нет, не в тот дом, который в нашей документальной литературе получил коварное название «слеза со-

Дорогой мой человек

Сегодня — 80 лет со дня рождения Ю. П. Германа

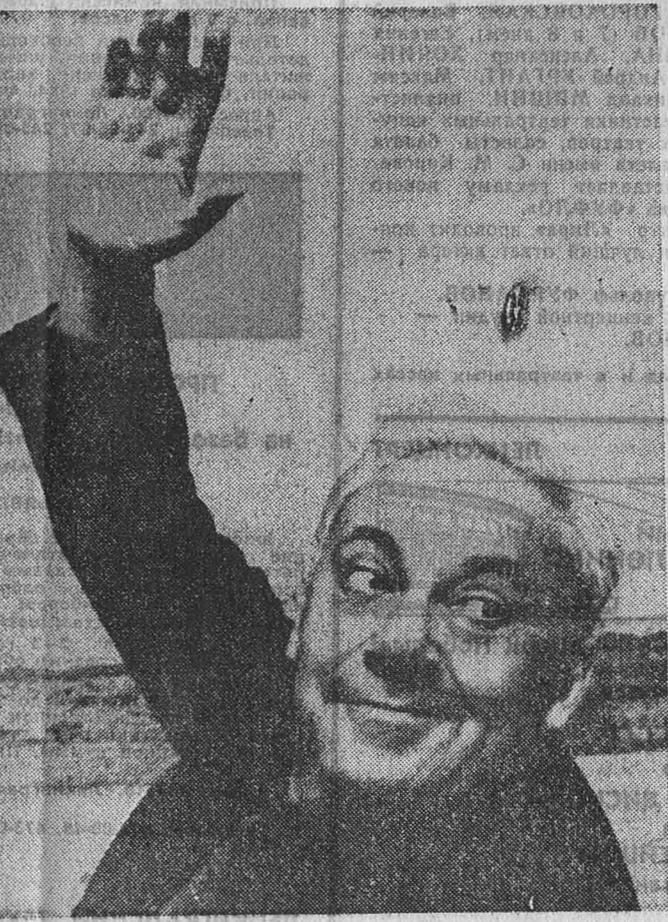
циализма», а в другой, что на противоположной стороне улицы, ближе к Пяти углам. Я думал, что Ольга Федоровна зовет меня, чтобы рассказать, как ей работалось в осажденном Ленинграде. А за большим обеденным столом увидел Евгения Шварца, Александра Хазина, Георгия Макогоненко и самого шумного, веселого человека, которого я лично знал давно, а вот так — лицом к лицу — встретился впервые. Но, видно, планки на груди моей гимнастерки служили достаточной визитной карточкой, и Юрий Павлович обнял меня и посадил рядом с собой.

А за столом разыгрывался спектакль. Кто-то показывал, как, сутулясь, шел из президиума к трибуне маленький Жданов, но убоился трибуны и стал говорить с рампы сцены, говорить такое, что рушило судьбы людей, а тут, в квартире Берггольц, вдруг обрелось еще непонятный для меня смысл: оказывалось, пресловутое постановление наносило удар не только по конкретным, всеми нами уважаемым писателям, но и по тем, кто его принимал. Это вызвало наибольшую тревогу, и мне вдруг стало понятным, почему в одну из минут встречи Юрий Герман вдруг сорвался с места и буквально подбежал к Шварцу, обнял его и сказал уже не только ему, но всем нам: «Мы еще

порадуемся с тобой на премьер!»
Разговор был о разном, но главным образом о том, как вместе идти вперед, как выйти из топи вздорных обвинений и снова служить своему читателю, как все собравшиеся за столом служили ему и Родине в годы войны. И тон в этом нацеленном в будущее разговоре задавали Ольга Берггольц и Юрий Герман. Они продолжали верить

перти, народу в собственные силы и в выдержку друзей. «Мы еще напишем сочиненья, полные любви и удивленья», — кажется, именно эти, тогда расхожие, строки цитировал Юрий Герман. Где было ему знать, что его отношение к уже названному постановлению не останется незамеченным и кто-то из услужливых критиков уже махнул ручку в чернила. И действительно, в первом номере журнала «Звезда» за 1949 год появилось начало его повести «Подполковник медицинской службы» и почти тотчас в «Ленинградской правде» появилась статья Т. Трифионовой. Она не смогла прочесть окончания повести до конца, но ей важно было дать ответ Герману. В чем только не обвиняла критикесса писателя! Можно было бы процитировать. Но стоит ли тратить попусту газетную площадь? Важно отметить, что Т. Трифионова рассматривала «неудачу» Германа в связи с провалами, как она считала, новых произведений 1949 года таких писателей, как В. Катаев, В. Каверин, Ф. Панферов. Список, открытый постановлением ЦК, продолжался!
Мне вспомнился Герман за обеденным столом у Ольги Берггольц, и я захотел позвать ему руку. Помчался в Комарово, но оказалось, что Юрий Павлович вынужден был освободить дачу, которую снял на сезон: не было

денег на оплату аренды. Впрочем, может быть, эти факты память спрессовала один к одному. Только отчетливо помню, что за статьей Трифионовой в «Ленинградской правде» последовали другие, осуждающие писателя, в том числе письмо слушателей Военно-медицинской академии имени Кирова. В нем говорилось: «Товарищ Герман! Вы написали пасквиль на медицинских работников, вы окле-

ветали советских людей, превратили их в озлобленных мещан, породили их с печальной памятью героями зощенских рассказов». Ну а Герман? Утешать друзей оказалось легче, чем сохранять собственную бодрость. И все-таки вера не покидала его. Он не спешил расстаться с доктором Левиным, который вызвал столь яростную неприязнь присяжных критиков, занялся другими делами. А где-то впереди уже видел свою, ныне знаменитую трилогию о враче-хирурге Владимире Устименко. Знаменательно, что в эти дни,

предшествующие 80-летию со дня рождения писателя, к читателю снова пришли давно любимые книги «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек» и «Я отвечаю за все». А «Подполковник медицинской службы»? Не могу не вспомнить забавный эпизод. В 1965 году я работал в Лениздате и при составлении проекта очередного плана выпуска литерату-

ры вставил повесть в план. Мне казалось, давно рассеялись грязные тучи смрада над писателем. Давно шли на экранах фильмы, поставленные по сценариям Германа, газеты наперебой расхваливали книги лауреата Сталинской премии Германа, а сам автор, забыв о недавнем прошлом, работал, не разгибая спины, охотно помогал молодым, достойно представлял нашу литературу за рубежом. И вот проект плана выпуска литературы Лениздатом попал, как положено, в Смольный. И тут же я был вызван на ковер.

— Как? Того Германа? — вопрошал меня. — Тот самый «Подполковник медицинской службы»?
И только успел доехать из Смольного на Фонтанку, как меня пригласил директор издательства.
— Мнение обкома — Германа не издавать.
Конечно, никакого мнения обкома не было. Больше того, никто из ответственных работников еще не успел взглянуть в проект нашего плана. Его смотрел инструктор, как выяснилось, кстати, повести не читавший. Он помнил только выступления «Ленинградской правды», и этого было достаточно, чтобы именем обкома вынести приговор.
Мы говорили с разными людьми, на разных уровнях. Но мнение инструктора торжествовало. Как я клял себя за то, что поспешил сообщить Герману о нашем желании издать «Подполковника»! Что же делать?
Когда все наши усилия были исчерпаны, поехал к Герману с повинной в Сосново. Я ждал гнева, презрения, наконец, сочувствия. А Юрий Павлович выслушал меня и разразился таким смехом, что жена его, Татьяна Александровна, копотившаяся на даче и находившаяся на приличном расстоянии от рабочего кабинета, зная о болезни мужа, тотчас прибежала к нам. Отсмеявшись, Юрий Павлович принял благодарить меня «за подаренный сюжет».
— Бог даст, обязательно напишу об этом, — сказал Герман.
Не написал. А я возвращался в Ленинград и перебирал в памяти книги Германа и подумал о том, мог ли настоящий писатель найти в своих книгах, хоть строчку о том чиновнике, который пытался отомстить писателю за то, что тот всегда имел свое мнение, и пустить в братство своих героев, честно служивших Родине, подобного человека.
4 апреля 1990 года Юрию Павловичу Герману исполнилось бы 80 лет. Много это или мало? Для человека ответ на этот вопрос, может быть, и важен. Для писателя — не очень. Жаль, что давно ушел из жизни наш друг и собеседник, советчик и однополчанин. Но книги его с нами. Вот и сегодня правильно поступит тот из нас, кто снимет с полки любую его книгу и протянет сыну или внуку.

Дм. ХРЕНКОВ